

— Конечно, нужно сказать, но как это сделать — большая проблема. Может, сначала пусть те, кто там, разведает обстановку, чтобы понять, насколько это возможно. Если они согласятся, мне будет легче говорить.

Два генерала говорили загадками почти час, пока не определились с основным планом. Посмотрев на время, они увидели, что уже начало рассветать. Они быстро поели лапши и разошлись по своим делам. Генерал Лу отправился за пределы заставы, а генерал Сяо вернулся в свою резиденцию.

На рассвете, когда было еще темно, привратник в резиденции генерала удивился, увидев, что тот вернулся в такое время. Обычно, если генерал возвращался слишком рано или поздно, он оставался в лагере. На этот раз он нарушил традицию, вероятно, из-за тоски.

Случайно, в ту ночь Ляо Цюли не мог уснуть. Он ворочался, видел странные сны и в конце концов встал, оделся и пошел на кухню, чтобы развести огонь и приготовить «кошачьи ушки». Он стоял спиной к двери, замешивая тесто и думая о своих делах, когда внезапно оказался в горячих объятиях. Испугавшись, он выронил миску с мукой, но ее поймала другая рука, и в ушах прозвучал давно забытый голос:

— Почему ты не спишь в такое время и готовишь еду? Ты что, крыса?

Узнав, что это человек, а не призрак, он быстро набрался смелости и ответил:

— Хорошо, верни мне миску. Я сделаю тебе порцию, ладно?

— Хорошо, я помогу тебе развести огонь.

Тот, кто обещал помочь с огнем, только говорил, но не двигался, продолжая крепко обнимать.

— ... Ты же собирался разводить огонь?

— Не двигайся, просто постой так немного... совсем немного.

Сяо Юй положил подбородок на правое плечо Ляо Цюли, закрыл глаза и притворился маленьким. Хотя он был младше на пять лет, он уже давно стал самостоятельным, и его попытки казаться маленьким были неестественными. Он не знал, как это делать, но решил попробовать, так как его предыдущая попытка чуть не провалилась. Ляо Цюли был мягким снаружи, но твердым внутри, и он не поддавался на давление.

— Моя мама тоже умела делать «кошачьи ушки». Однажды... я не помню, сколько мне было лет, может, шесть или семь, это было в конце года, было очень холодно, шел снег. Я лепил снеговика во дворе, а мама позвала меня и принесла миску горячих «кошачьих ушек»... Она сказала мне съесть их, пока они горячие. Мама редко готовила, и те несколько раз, когда она

это делала, это было не специально для меня... Но в тот раз она сделала это специально для меня. Я, как ребенок, конечно, обрадовался и с готовностью взял миску, чтобы съесть первый кусочек...

Он не должен был вспоминать прошлое. Воспоминания приносили настоящую боль, и он не мог скрыть ее, даже если старался.

Ляо Цюли слушал его, заинтересованный, и когда тот внезапно замолчал, он повернул голову вправо, чтобы посмотреть, почему тот перестал говорить.

— ... Моя мама выхватила миску из моих рук и разбила ее о стену... Позже я узнал, что она хотела сначала отравить меня... а потом покончить с собой...

Ляо Цюли почувствовал, как его сердце сжалось от боли, и он невольно положил свою правую руку на руку Сяо Юя, сжав ее, как будто пытаюсь помочь ему пережить эту боль.

— Ха-ха, я тебя обманул! Какая мать сможет убить своего ребенка!

Он все еще пытался сохранить лицо, но Ляо Цюли знал, что это правда. Его мать, актриса, была способна на такое... Как этот человек выжил в таком «доме», который казался богатым, но был на грани разрушения? Он делал и говорил такие вещи, потому что у него не было никого, на кого можно было бы опереться. Ветер, дождь, снег — нигде он не мог найти берега, к которому можно было бы пристать...

Ляо Цюли невольно протянул руку, чтобы погладить его голову, как он делал много лет назад. Он подумал, что если бы Сяо Юй согласился быть его братом, он бы заботился о нем, как старший брат, и создал бы для него временный берег. Но настоящий, долговечный берег должен был состоять из его семьи — жены, детей, внуков, поколений, которые протянутся в будущее. Только так он станет полноценным «человеком». Ляо Цюли не мог этого сделать, и он не хотел мешать ему.

С тех пор как Сяо Юй ушел в армию в пятнадцать лет, он больше не позволял Ляо Цюли гладить его по голове. Ему казалось, что это унижительно, что любимый человек обращается с ним как с ребенком, и это не делало его «величественным». Но сегодня было иначе. Он позволил ему погладить себя несколько раз, а затем с натянутой улыбкой сказал:

— Я разожгу огонь, а ты замеси тесто. Я приехал прошлой ночью и еще не успел поесть, уже очень голоден.

Он снова солгал, ведь он только что ел лапшу в лагере.

— Почему ты раньше не сказал! Теперь притворяешься бедняжкой!

Ляо Цюли покритиковал его, но его руки двигались быстрее. Вскоре вода закипела, и он начал отщипывать кусочки теста и бросать их в кипяток. Сяо Юй не любил сладкое, поэтому он добавил немного соли, перца и зелени, а затем налил все в большую миску.

— Бери и ешь!

— А твоя?

— Я люблю сладкое, сделаю позже.

— Угу.

Сяо Юй взял миску и сел у огня, подул на ложку и поднес ее ко рту Ляо Цюли, чтобы тот попробовал первый кусочек.

Ляо Цюли пытался отвернуться, но не смог, так как Сяо Юй был быстрее. В конце концов он с раздражением посмотрел на него, и их взгляды встретились. Ему стало неловко, и он открыл рот, чтобы съесть ложку. Ляо Цюли был из Хуайяна, любил сладкое и не любил острое, а Сяо Юй обожал острую пищу. Ложка оказалась слишком острой, и Ляо Цюли сморщился. Сяо Юй, довольный, продолжал есть свою острую лапшу, но не переставал смотреть на Ляо Цюли. Когда их взгляды встречались, он передавал ему «вечность» и «долгую жизнь», а когда Ляо Цюли отворачивался, его глаза наполнялись печалью, как будто он хотел показать, как ему не хватает тепла.

Ляо Цюли не смог устоять и сделал лишнее. Когда он увидел, что миска Сяо Юя почти пуста, он сказал:

— Я сделал слишком много, не съем все. Хочешь еще?

Он вдруг вспомнил, что добавил в лапшу сахар, а Сяо Юй ненавидел все сладкое. Вопрос был лишним.

— Хочу! Сколько дашь, столько съем!

Сяо Юй загорелся глазами и подошел с миской.

— ... Ты же не ешь сладкое.

— Вояка не может быть таким привередливым. На войне ешь, что попадается, не привередничаю.

Сяо Юй улыбался искренне, словно говорил, что сейчас он ест все, что можно, и не похож на

избалованного парня.

Ляо Цюли молча разделил свою порцию пополам. Сяо Юй был выше, и, наклонившись, он увидел макушку Ляо Цюли прямо перед собой. Он почувствовал желание поцеловать ее, хотя бы слегка... Он уже несколько месяцев был «монахом», и один поцелуй в макушку не считался грехом, правда?

Едва его губы коснулись волос, Ляо Цюли поднял голову и случайно ударил его подбородком. Оба почувствовали боль. Попытка украсть курицу обернулась потерей зерна.

— Прости, я не заметил. Но зачем ты так низко наклонился? Давай посмотрим на твой подбородок... Красный, но ничего страшного, главное, чтобы не посинел.

— Что значит «не посинел»... Ой! Мне больно!

Он тут же начал жаловаться!

— Покорми меня, и я не буду на тебя обижаться...

<http://bllate.org/book/15507/1377396>